

ВЕСЁЛЫЕ
ИСТОРИИ

Ирина Асеева

КРЕАТИВНЫЙ
«ПЯТЫЙ АЛЬФА»

Ирина Асеева
Креативный «пятый альфа»
Серия «Весёлые истории»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/49773338>

Креативный «пятый альфа» / Ирина Асеева: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-120371-9

Аннотация

<p>Дима Парапланов учится в физмат лицее, но у него всё идёт не так, как надо: написать контрольную по русскому – такая проблема, что приходится голубей приручать, чтобы сорвать эту контрольную, один из старшеклассников объявил охоту на Диму, да ещё и мышонок, принесённый из дома, сбежал из рюкзака. Разве может полюбить такого растяпу самая красивая девочка в классе?</p> <p>О том, как решает проблемы Дима и другие креативные ученики физмат лицея, рассказывает эта книга.</p>

Содержание

Знание – сила!	4
Немного волшебства	9
Как приобретать друзей	13
Отличительная черта	17
Слоны-каннибалы	20
Засекай время!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирина Асеева

Креативный «пятый альфа»

Знание – сила!

Чёрные кроссовки обколупанными носами упирались в песок, спина – в прохладную железную перекладину. Пахло сиреню. Ветер шелестел листьями берёз. Я чуть покачивался.

Скрип, скрип – это качели. Все четыре года, что я здесь учился, они скрипят. И зимой, и в летние каникулы.

На моих коленях кирпич. Ладно, не кирпич. Но очень похоже. По цвету, по крайней мере.

Откроешь гладкую коричневую обложку – увидишь надпись: «Диме от бабушки. Запомни: знание – сила!»

Я не знаю, как насчёт силы, но тяжесть та ещё. Третий день таскал его в рюкзаке, а дальше слова «абстракционизм» так и не продвинулся.

Бабушка мне его по почте отправила, когда узнала, что я всё-таки поступил. Я поблагодарил по телефону:

– Бабушка, спасибо, но почему словарь? Я на физмат поступил – зачем мне абстракционизм с беллетристикой?

– Димочка, во-первых, русский ты при поступлении едва сдал. А во-вторых, знания лишними не бывают. Читай по три страницы в день – глядишь, в сентябре не стыдно будет в глаза смотреть учителю русского.

Я качался, водил пальцем по одним и тем же строчкам в словаре и слушал: не стукнет ли железная калитка. Егорка, мой друг, скинул смс-ку: «Буду через пять минут». Это было полчаса назад. А учитывая словарь и «абстракционизм», можно считать, что три часа.

Калитка стукнула. Я обернулся, улыбка сползла с лица и в песок под ногами зарылась. Потому что пришёл не Егорка, а как раз наоборот. Тима Лапочкин, невысокий, светло-волосый и ядовитый, как заросли борщевика. Главный футболист класса.

Говорят, беда не приходит одна. Он и был не один – с Гошиком Червяковым.

Червяков сам по себе безобидный парень. Но рядом с Лапочкиным он в силовой придаток этого гада превращается. Словно Гошику самому думать – труд непосильный, и он делает всё, что Лапочкин скажет.

– А-а-а, Парапланов! – протянул Лапочкин, оглядывая пустую площадку. – Чё припёрся? В городе площадок нет? Мой дом – последняя многоэтажка на окраине города.

Пройти километр мимо заправок, стеклянных магазинов, на которых вывески постоянно меняются, – и будет Аннино, посёлок. А в нём – школа и друзья. И враги тоже.

– Лапочкин, качели заняты. Иди в песочницу, – отозвался я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Лапочкин мотнул головой в мою сторону, Червяков подошёл к качелям, жирная ладонь обхватила железку. Железка скрипнула горько и жалостно.

Лапочкин сел на зрительские сиденья под навесом, скрестил руки:

– Ты, Парапланов, говорят, здесь больше не учишься.

Я оглянулся на калитку, бросил взгляд вправо на дорогу: может, Егорка уже на подходе? По пустой дороге промчался ветер, поднимая пыль.

Червяков тряхнул стойку качелей:

– Отвечай, раз спрашивают.

Я пристально посмотрел в Гошкины глаза болотно-коричневого цвета. Гошка покраснел и отвёл взгляд. Я немного осмелел:

– Ну да. В лицей поступил.

– Одним дураком меньше – свежего воздуха больше, – Лапочкин попытался уязвить моё самолюбие.

Я обрадовался:

– Лапочкин, дурак тут точно не я. Дураки в лицей не поступают. А вот по башке себя лупасить чем-то легко могут.

Лапочкина перекосило. Он намёк на свой талант забивать мячи головой понял.

– Червяк, ну-ка, покажи ему! – скомандовал он.

Гошка потрянул стойку. Я слетел с качелей. Больно царапули мелкие камни – ладони проехали по песку. Толковый словарь упал и раскрылся посередине. Ветер удивлённо листал его, пугаясь слов «катарсис» и «конформизм».

– Дурак ты, Лапочкин, – я встал на одно колено и начал счищать песок и колючие камни с ладоней. – Без Гошика ничего не можешь.

Лапочкин встал с сиденья, прищурил глаза:

– Что, думаешь, раз умный, всё можно? Сейчас припрём тебя к забору, начистим морду – до сентября сверкать будет. Червяк?

Я оглянулся на калитку, но там было по-прежнему пусто. Егорка, где ты?

Слева ко мне приближался Лапочкин, справа на расстоянии шага стоял Червяков.

Рвануть к калитке? Лапочкин – лучший бегун в классе, а вот я на физре как-то не отличался скоростью.

Я понял, что моё спасение – во мне самом. И вспомнил про свои сильные стороны.

Я встал и поднял книгу.

Размахнулся и как дал Лапочкину по башке словарём! Тем самым, толковым. Он обалдело уставился на меня, словно все слова на букву «А» разом влились в его голову.

Мы со словарём повернулись к Червякову Моё свирепое лицо выражало решимость вбить знания в ещё одну голову.

– Не надо, – растерялся Гошка. – Я больше не буду.

Мимо Лапочкина, скулившего на скамейке и потиравшего красное ухо, ко мне мчался Егорка.

– Ну ты, Димыч, даёшь, – восхищённо протянул он. – Один против двоих! Ты крут!

Я посмотрел на словарь. Он чуть испачкался, несколько страниц помялось.

Я показал словарь Егорке:

– Это потому, что знания – сила.

Я словарь теперь всегда на прогулку буду брать, даже летом.

Бабушка оказалась права: знания лишними не бывают.

Немного волшебства

Бывает у вас так: весь день хочешь мороженого, а вечером – раз, приходит мама и приносит целый брикет? Или попадаешь в какое-то место и понимаешь, что здесь уже был?

У меня так случается. Не так часто, как мне хочется, но бывает. Может, я немного волшебник?

Первого сентября я стоял во дворе своей новой школы и пытался шевелить пальцами внутри тесных ботинок.

В воздухе парили шарики, музыка и приподнятое настроение. Причём самое приподнятое – у родителей пятиклашек. У старшеклассников мне оно показалось приопущенным. Даже табличка с надписью: «10 β» была чуть ниже остальных.

Я смотрел на это и понимал, что уже был здесь во сне: видел улетающую в небо связку сине-белых шаров, обнимался с кем-то большим и мягким и вон ту девчонку – с объёмной светлой косой до пояса – тоже видел.

Стоп. Её я видел на самом деле. Не во сне – на поступлении.

Я сидел за предпоследней партой у стены. Она – на соседнем ряду. На фоне окна, за которым виднелось стильно-серое питерское небо. А когда из-за туч внезапно ударило солнце, девчонка отвернулась от него, и я увидел её длинные ресницы. И мне очень захотелось, чтобы она повернулась ко

мне и шепнула: «Удачи!»

И она тогда правда обернулась. Но ничего не сказала.

Девочка с длинной косой подошла к табличке с надписью: «5 а». Значит, будем учиться в одном классе. Интересно, как её зовут? Я люблю смотреть на незнакомых людей и думать, какие имена им подходят. Может, она Света? Или Оля? А может, у неё редкое имя: Ангелина или Маша?

Из школы вышел самый важный на празднике человек. Точнее, зверь. Вернее, птица. Огромная сова с жёлтыми глазами, мягкими крыльями, в шапочке, которую носят учёные. Символ школы.

Птица шла по школьному двору и пританцовывала под песню «Волшебство – это просто». Её похлопывали по крыльям учителя. С совой фотографировались школьники. Её, как родную, радостно обнимали родители пятиклашек.

Я загадал: если я правда волшебник, пусть сова обнимет меня. Сова – символ мудрости.

Сова была у Гарри Поттера. Совы не могут ошибаться.

Я спрятался на линейке во второй ряд. К микрофону вышел директор. В таком же синем галстуке с совой, как у меня.

Это они здорово придумали: фирменный галстук. Почти как шарфы в Хогвартсе. Только девчонки вместо галстуков носят синие платки на шее. На углу платка – та же птица с круглыми глазами. Смотрит, наблюдает. Вот бы ещё всё на уроках запоминала и на контрольных подсказывала!

Директор говорил, как нам повезло: мы поступили в за-

мечательный лицей. Я его не слушал – смотрел на пышную косу прямо перед собой, на школьный платок под ней, и в голову лезли совсем дурацкие мысли.

О том, что в доисторические времена с девчонками знакомиться было проще: дубиной по башке – и в свою пещеру. Когда очнётся, поймёт, что тут сухо, огонь разведён, шкура мягкая. И ты улыбаешься нечищеными зубами и кусок мамонта протягиваешь: «Это тебе, жарь!» Куча аргументов за то, чтобы подружиться.

Вы не подумайте, я не влюбчивый. За всю жизнь влюблялся всего четыре раза. Два из них – в детском саду, это можно не считать.

Линейка закончилась. Сова уже трижды протанцевала мимо, но так и не обняла меня. Я сначала расстроился. А потом подумал: если я сам сову обниму это будет считаться или нет?

С одной стороны, это не очень честно. Но с другой – волшебство без участия волшебника невозможно. Заклинания сами себя не произносят.

Когда мы начали расходиться по кабинетам, сова стояла у крыльца и со всеми раскланивалась.

Я немного задержался: полюбовался на её жёлтые глаза и медаль с номером школы, но вспомнил, что даже не знаю, куда идти, и помчался догонять класс.

В вестибюле было целое столпотворение. Кипящий суп из старшеклассников, которые обычно в другом корпусе учат-

ся. Старшеклассники были перемешаны с семиклассниками и шестиклассниками. Растерянные пятиклашки, которые только сегодня стали альфиками и бетиками, оглядывались в поисках ориентира.

Нас принесло к лестнице.

– Ольга! Оля! Куда идём? – крикнула рядом со мной девочка с разноцветным рюкзаком-ёжиком. Так громко, что у меня в ухе зазвенело.

Девочка с пышной косой была уже на ступеньках. Она оглянулась:

– В триста пятый! На третий этаж.

Я угадал её имя! Наверное, я правда волшебник. Только мои волшебные способности ещё не раскрыты.

Я остановился на секунду, а потом развернулся навстречу потоку входящих людей. Вклиниваясь в их течение, расталкивая, разгребая, протискиваясь, слегка помятый, выбрался на крыльцо.

Сова всё ещё была в почти пустом дворе.

Я с разбега врезался в её мягкий живот, прижался лицом к тёплому плюшевому меху с запахом лаванды. Сова вздрогнула и обняла меня крыльями. Крепко-крепко.

И тут я понял: я – точно волшебник. Только волшебству иногда помогать надо.

Как приобретать друзей

– Опять эти мерзкие пятиклашки! – сказал Попов и встал впереди меня.

Это я потом узнал, что он Попов. Тогда он для меня был просто старшеклассником. Длинным и наглым.

Мало того что сам без очереди влез в очередь в столовой, так ещё и друзей пропускал. Их штук пять набралось! Так я не только параграф по истории прочитать не успею – поесть не получится. Положу на поднос салат из капусты, борщ красный дымящийся и пюре с курицей, а тут – бац! – и звонок.

Если бы нас толпа была, мы бы с шестью старшеклассниками справились. Но были только я и Лёва Ладущкин, поэтому мы молчали. Но, когда влез седьмой старшеклассник, я возмутился. Попов повернулся и сказал:

– Цыц, малявка!

Тогда я решил ненавидеть Попова. Лёва меня поддержал, и после пятого урока мы подстерегли Попова за углом рекреации на третьем этаже и обстреляли жёваными бумажками.

Попов был не один, а с другом. Они пытались нас поймать, но куда им. Нас-то пятеро. С нами пошёл Боря – он рад любой заварушке, Илья Колесников, мой друг, и Саша с Тарасом.

Саша с Тарасом не стреляли, но убежать им всё равно при-

шлось, потому что Попов за ними погнался.

Через два дня Попов появился в нашем корпусе снова. У них расписание такое: два дня в нашем корпусе, остальные – в старшем. К тому времени мы целую военную операцию разработали. На каждом этаже появлялись три или четыре пятиклассника, кричали: «Попов – гад!» – и убегали. В разные стороны.

К третьей перемене Попов был красный и лохматый. От его взгляда двигались диваны, и мы решили пока ему на глаза не попадаться. Но попались.

Точнее, попался Тарас, хотя он в нашей войне не участвовал. Попов схватил его за ворот, и мне показалось, что сейчас серый пиджак останется в руках годзиллы Попова, а Тарас вылетит из него на пол.

И тогда я налетел на Попова. Я умею налетать. Вскочил ему на спину и вцепился в уши. Попов от неожиданности выпустил пиджак вместе с Тарасом и стал стряхивать меня. Но тут подоспели ещё наши. А трое пятиклашек – это банда.

На следующей неделе Попов от нас шархался. Один раз даже развернулся и на другую лестницу пошёл. И тогда мы решили, что это победа. И радовались до четверга.

В четверг я сидел после уроков на программировании – доделывал домашнюю работу, и у меня никак не получалось переместить эти дурацкие часы. Точнее, они перемещались, но гасли на секунду, а потом начинали отсчёт снова. А надо было, чтобы стрелки продолжали двигаться, словно часы

кто-то бережно перенёс из правой части экрана в левую.

Я уже минут двадцать тупо смотрел на программу, когда краем глаза заметил: в кабинет кто-то вошёл. Я оглянулся и понял: мне конец. Это был Попов.

Я съехал вниз по сиденью стула. Под столом было пыльно, в углу валялся смятый фантик, над головой угрожающе свисала коллекция жвачек. К ножкам стула подошли ноги в громадных ботинках. Я замер. Ноги тоже. «Давай, иди дальше!» – подумал я.

Нос зачесался изнутри и решил чихнуть. Я его зажал рукой. Стул со скрежетом отъехал в сторону, на него взгромоздилось длинное тело Попова. Его колени почти упёрлись в мой нос. Я шархнул назад и стукнулся о подстольные жвачки. В голове гроыхнуло. Это был грохот провала. Колени отодвинулись, ко мне свесилось перевёрнутое лицо Попова.

Попов увидел меня, усмехнулся и сказал:

– Ты не ту команду написал. Надо «MOVE», а у тебя «DROVE». Ты заново всё отрисовываешь.

Оказалось, Попов соображает в программировании. Он мне тему за пять минут рассказал – я её прослушал на уроке, потому что своего персонажа для комикса рисовал. Я не говорил, что мы с ребятами общий комикс рисуем? Значит, расскажу потом. А ещё оказалось, что Попова Глеб зовут.

Больше мы с Поповым не враждуем. Ни один пятиклассник.

Видишь конфету? У Маринки был день рождения, она всем по две раздавала: «мини-Сникерс» и «мини-Марс».

Я «Марс» съел, а «Сникерс» сейчас отнесу своему другу Глебу Попову. Я помню: он на этой перемене всегда обедает. Потому что эта перемена в столовой только для старшеклассников.

Отличительная черта

Взрослые совершенно не умеют воспитывать. Особенно те, кто уверен, что делает это правильно.

Бабушка всё время рассказывает, какой папа был молодец, когда был мальчиком. И плаванием он занимался, и фигурки из дерева вырезал – такие уж они чудесные были, жаль только, что выкинула. Говорит, разносторонней личностью был папа, и ты, Дмитрий, не отставай – развивайся в разных направлениях.

Раз в год я готов эту процедуру выдержать. Но с тех пор, как я в лицей поступил, бабушка решила помогать мне. И воспитывает каждый вечер. Из другого города. По телефону.

После её лекции смотрю в зеркало: разве есть во мне что-то особенное? Глаза голубые. Не пронзительно-голубые, как у сказочных героев, а так, обыкновенно голубые. Нос и не курносый, и не картошкой – самый обыкновенный нос. Волосы, если их причесать, тоже так себе волосы. Так что лучше их не причёсывать, тогда они торчат во все стороны и превращаются в выдающиеся. Хоть что-то.

А недавно я всё-таки нашёл свою отличительную черту. Не сразу, правда. Любая личность во время роста проходит через проблемы и потери. Правда, в моём случае всё наоборот было: сначала потери, а уже из-за них проблемы.

Потерял я проездной. С кем не бывает? С тем, у кого его

нет, правильно. Сунул руку в карман – нет проездного.

Потерял и потерял. Думал, где-то в моей комнате лежит. Нет, кто-то нашёл его и не поленился – в школу написал: «Найдены документы на имя ученика пятого альфа Парапланова Дмитрия, забрать можно по адресу...»

Думаете, всё хорошо? Хорошо, да не очень. Потому что через два дня я его снова потерял.

Бабушка телефонная много чего сказала по этому поводу. – И в кого ты, Дмитрий, такой уродился? – начала она. – Посмотри на свою сестру. Катя уже девять лет с проездным. Ни разу не потеряла!

Я после первых пяти минут этой беседы трубку радиотелефона на стол положил, игрушку на смартфоне открыл и пошёл с технокотом гулять по лабиринтам, не забывая добавлять «да, бабушка» и «понял, бабушка» после каждого убитого монстра.

Сестра заглянула в дверной проём:

– Дим, будешь обедать? Я разогрею.

Я показал ей трубку. Она понимающе кивнула:

– Бабушка? Понятно. Значит, через полчаса. Я покачал головой:

– Через час, наверное.

Вечером мама выслушала про мою потерю и сказала странным голосом: «А ты, Дима, оказывается, умеешь своего добиваться. С первого раза не получилось – справился со второго. Молодец, упорный».

И таким тоном она это сказала, что я долго думал: это шутка такая дурацкая или она всерьёз меня упорным считает?

А потом решил, что всерьёз: мать же родная, уж если она надо мной издеваться будет, как жить дальше? Значит, это она меня так поддерживает. Не очень умело, но всё-таки.

И я решил, что ей сюрприз устрою. Заодно и бабушке покажу, что нашёл отличительную черту своего характера.

Два вечера я упорно сидел за учебниками. Даже технокота не трогал, хотя он мяукал жалобным голосом из глубин моей памяти и смотрел с укором с экрана смартфона.

Наступил третий вечер. Я ждал маму с работы и всматривался в темноту за окном. Фонари весело подмигивали, дождь постукивал в нетерпении, а мама всё не шла.

Наконец замок в двери радостно защёлкал. Я бросился в прихожую:

– Мама, отгадай, что я сегодня сделал?

– Ещё что-то потерял? – Мама раскрыла зонт.

Я поморщился от холодных брызг, но всё равно улыбался:

– Нет, конечно. Я получил «четвёрку» по английскому и «пятёрку» по литературе. Правда, со второго раза. С первого не получилось, там «двойки» были. Но я же у тебя упорный! Ты сама так сказала.

Мама две секунды смотрела непонимающими глазами, а потом рассмеялась, прижала меня к мокрому плащу и взъерошила мои волосы. И они снова стали выдающимися.

Слоны-каннибалы

Ну не сделал я вчера историю. Ни за что не поверю, что у вас такого не было.

В школу я пришёл рано. Начал портфель расстёгивать, чтобы тему пролистать, но тут подскочил Боря.

– Давай, – говорит, – новую видеоигру покажу.

В школе играть на телефоне нельзя: сразу отберут и к завучу отправят. Сначала телефон, а после уроков – ученика. Знаете, как неприятно стоять у завуча в кабинете, когда тебя воспитывают? Я вот знаю. Поэтому сказал Боре, что не буду видеоигру смотреть. А чтобы он не подумал, что трушу, добавил, что к проверочной по истории не подготовился.

– Да это раз плюнуть, – сказал Борис. – За пять минут расскажу.

Я бы ему не поверил, но читать учебник совсем не хотелось.

Мы сели на красный, почти кожаный диван в уголке рекреации. Диван мягкий, с утра на нём спать хочется. Боря листал учебник и тыкал пальцем в картинки. А я всё-всё запоминал. Ещё и поспать успел немного, но это только потому, что во сне лучше учится.

Видеоигру мы так и не посмотрели. Зато на проверочной я всё написал. Весь лист с двух сторон.

На следующем уроке Алёна Николаевна разбирала наши

работы. Люблю её слушать. Она интересно рассказывает. О том, как на археологические раскопки ездила. И с чёрными археологами встречалась. Это не негры-археологи, а бандиты, которые прикидываются археологами, чтобы забрать всё самое ценное.

Я как представлю этих чёрных-чёрных бандитов чёрной-чёрной ночью на чёрном-чёрном джипе и Алёну Николаевну рядом, мне жутко становится. Стоит она, невысокая, худенькая, на развалинах в шляпе широкополой, которая от солнца защищает, в одной руке лопатка для раскопок, в другой – осколок древней вазы. И так улыбается, что бандиты подойти к ней не смеют. Я-то точно знаю, что не смеют: она всегда так улыбается, когда думает, кого к доске вызвать.

Вот и в этот раз она улыбнулась и назвала мою фамилию. Улыбка у неё красивая, про такую на литературе говорят «лучезарная». Но мне от её лучей что-то плохо стало.

– Расскажи-ка мне, Парапланов, – сказала Алёна Николаевна, когда я к доске вышел, – про слонов-каннибалов, которых ты в самостоятельной описал.

Посмотрел я на карты на стенах, на гипсовые бюсты римских цезарей на шкафах с книгами, потом на Бориса. Боря смотрел на учебник истории, словно там обложка ожила.

– Это такие слоны были, – сказал я. – Их один полководец натренировал, чтобы они боевыми стали. Они врезались в строй врага, ломали колесницы и головы пехотинцам откусывали. Их за это называли слонами-каннибалами.

Ребята почему-то захихикали. А Боря стал пялиться в окно так, словно туда Человек-паук время от времени заглядывает.

– Так, – вздохнула Алёна Николаевна. – А что ты можешь рассказать про царя Персии?

– Это про какого, – уточняю я. – Про Дария или про Ксеркса?

Тут ребята засмеялись, хотя я ничего смешного не сказал.

– Как второго царя звали? – спросила Алёна Николаевна.

– Ксеркс, – отвечаю уверенно. – Он всегда молниеносно одерживал победы, поэтому в честь него копировальный аппарат назвали. Он тоже молниеносно всё делает.

Полкласса под столами лежало от смеха. Только Боря сидел красный и не смеялся.

Я огорчился: похоже, «двойка» обеспечена. Но тут же об-

радовался, потому что вспомнил, какая часть самостоятельной у меня замечательно написана. Мы это в прошлом году по истории мировых религий проходили.

– Алёна Николаевна, – говорю, – но про принца Гаутаму у меня всё правильно!

– Эх, Парапланов, – вздохнула Алёна Николаевна, и её улыбка погасла, – то слонов полководца Ганнибала превращаешь в слонов-каннибалов, то из могущественного царя Ксеркса копируешь аппарат делаешь. Не заслужил он такого, не заслужил.

– Но Гаутама, – напомнил я.

– Что Гаутама? Написал ты про него верно, молодец. Только надо было рассказать один из мифов Древнего Китая.

– Ну да, – говорю. – Так и есть.

– Немножко перепутал. Миф о Гаутаме родом из Индии.

– Но они же рядом! – Это я по географии помню. – Может, эта легенда из Китая в Индию переползла. Она же древняя. А что там было, в древности, никто не помнит.

Алёна Николаевна только головой покачала. И в журнале что-то поставила. Я надеюсь, что «три», но боюсь, что нет.

А улыбка у неё всё равно очаровательная.

Засекай время!

– Засекай время! – В руках Ильи Колесникова мелькают пятна. Полкласса смотрит на его пальцы. Это как фокус. Он у Ильи всегда получается. Но не всегда за время, на которое он рассчитывает.

– Есть! – Вверх взмыла рука с собранным кубиком.

– Пятьдесят две секунды, – сообщил Боря.

Илья помрачнел. Ещё бы: рекорд класса – тридцать девять секунд, личный рекорд Ильи – сорок семь.

Кто первый принёс в школу кубик Рубика, не помню. Но заболел им почти весь класс. Лёва на литературе под столом собирает, на истории бумажкой с формулой шуршит. Веня в столовую кубик таскает, он у него блеснит и колбасой пахнет.

Оказалось, кубик три на три – ерунда. Научиться его собирать проще, чем тридцать слов по английскому выучить. Именно по столько нам задают каждый раз – развивают, стараются. Кубик пять на пять тоже не очень сложно. Труднее всего собирать четыре на четыре.

Сидим мы как-то с Ильёй Колесниковым на нашем любимом диване – красном, с порезом на боку. Илья учит меня собирать кубик четыре на четыре. Илья очень умный. Он когда хочет, решает всё первый в классе. Когда хочет, к доске в одних носках выходит, без ботинок.

Сидим мы, крутим кубик скоростной: щёлк-щёлк-щёлк,

– несколько раз в секунду. Рядом Вика села. Смотрит так, словно мы конфеты едим, а ей не даём. И говорит:

– Подумаешь, кубик Рубика. А я слова на ходу могу пере-
ворачивать.

– Это как, – заинтересовался Илья, не поднимая головы,
– задом наперёд, что ли, произносить?

– Нет, менять смысл на противоположный. Например, –
Вика задумалась, подняла голову вверх. – Вместо «белый
потолок» говоришь «чёрный пол». Вот что я сейчас скажу:
«Мы, девочки, умные»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.